

Интервью международному информационному холдингу Bloomberg. Часть 1

Владимир Путин дал интервью международному информационному холдингу Bloomberg. Запись состоялась накануне, 1 сентября, во Владивостоке.

Дж.Миклетвейт (как переведено): Господин Президент, спасибо большое, что согласились поговорить с Bloomberg. Мы во Владивостоке находимся, на границе России, – Тихоокеанское побережье, практически граница, – и это уже второй ВЭФ, который будет проводиться. Что Вы планируете достичь в рамках этого форума?

В.Путин: Это способ привлечь внимание наших партнёров, потенциальных инвесторов к Дальнему Востоку России. В этом смысле данное мероприятие, данное событие мало чем отличается от других региональных форумов подобного рода. Мы в России проводим таких много: это и Экономический форум в Санкт-Петербурге (обычно мы проводим его летом, в начале лета), это Экономический форум в Сочи.

Дальний Восток для нас имеет особое значение, имея в виду приоритетность развития этого региона. В последние годы, даже, скажем так, в последние десятилетия мы здесь столкнулись с большим количеством проблем. Мало уделяли внимания этой территории, а она заслуживает гораздо большего, потому что здесь сосредоточены огромные богатства и возможности будущего развития России. Не только развития России как таковой, но и развития всего региона АТР, потому что эта земля очень богата природными и минеральными ресурсами.

Обычно, когда мы говорим о Дальнем Востоке, мы имеем в виду и собственно Дальний Восток – Приморский край, Хабаровский край, это Камчатка, это Чукотка, но это и так называемая Восточная Сибирь. Если всё это вместе взять, то вся эта земля содержит колоссальные ресурсы: это нефть, газ, это 90 процентов запасов российского олова, 30 процентов

запасов российского золота, 35 процентов запасов леса, здесь добывается 70 процентов российской рыбы, в этих водах.

И это регион, где достаточно развита транспортная инфраструктура, железнодорожная. Мы в последние годы активно развиваем автомобильное сообщение. И огромный потенциал: возможности развития авиационной промышленности, космической промышленности. Если Вы обратили внимание, мы запустили в одном из регионов Дальнего Востока новый российский космодром. Здесь традиционно развивается, как я уже сказал, авиация, в том числе и боевая авиация. Известные во всём мире самолёты «Су» производятся именно на Дальнем Востоке России.

Наконец, мы возобновляем здесь производство морских судов, прежде всего гражданского назначения. Только сегодня я присутствовал при начале работы одной из очень перспективных площадок в этом плане.

И это очень хорошая возможность для обмена в гуманитарном плане с нашими соседями. Мы предполагаем здесь развивать музыку, театральную деятельность, выставочную деятельность. Совсем недавно прошли концерты нашего выдающегося музыканта, дирижёра господина Гергиева. Мы открываем здесь филиал петербургского Мариинского театра. Планируем здесь открыть также филиалы петербургского Эрмитажа, Вагановского балетного училища.

Как видите, мы с Вами сейчас работаем в здании Дальневосточного федерального университета. Я думаю, что Вы тоже смогли оценить масштаб этого учебного заведения: здесь уже тысячи молодых людей из зарубежных стран учатся, большое количество иностранных преподавателей. Нам бы очень хотелось, чтобы здесь развивалась наука и высшая школа, образование, причём с тем, чтобы это было одним из заметных центров научной деятельности во всей системе АТР. Конечно, здесь ещё многое можно сделать, но с учётом потребностей рынка труда востребованность такого учебного заведения, она очевидна.

Но есть ещё одно направление, которое для нас очень интересно и перспективно, кроме всего, что я перечислил выше, – это биология моря. Традиционно и на протяжении многих лет здесь находится один из ведущих институтов Академии наук России как раз по изучению биологии моря. Вы знаете, мы здесь запускаем новый центр, при нём мы построили океанариум, который должен быть не просто площадкой для публики, которая, думаю, будет получать удовольствие от общения с живой природой, но это ещё и часть самого Института биологии моря. Здесь складывается интересный, перспективный кластер, и нам бы очень хотелось, чтобы наши потенциальные инвесторы, наши коллеги из зарубежных стран, прежде всего из стран АТР, знали о нём больше.

Дж.Миклетвейт: Один из гостей [форума] – это Премьер-министр Японии Абэ, он приезжает во Владивосток, и кажется, что намечается политическая сделка, можно так сказать. Возможно, вы отдадите один из Курильских островов в обмен на серьёзное экономическое сотрудничество, его наращивание. Готовы ли Вы к такой сделке?

В.Путин: Мы не торгуем территориями, хотя проблема заключения мирного договора с Японией является, конечно, ключевой и нам бы очень хотелось с нашими японскими друзьями найти решение этой проблемы. У нас ещё в 1956 году был подписан договор, и, на удивление, он был ратифицирован и Верховным Советом СССР, и японским парламентом. Но затем японская сторона отказалась его выполнять, а затем и Советский Союз как бы свёл тоже на нет все договорённости в рамках этого договора.

Несколько лет назад японские коллеги попросили нас вернуться к обсуждению этой темы, и мы это сделали, мы пошли навстречу. За предыдущие пару лет не по нашей инициативе, а по инициативе японской стороны фактически эти контакты были заморожены. Но сейчас наши партнёры проявляют желание вернуться к обсуждению этой темы. Речь не идёт о каком-то обмене, о каких-то продажах. Речь идёт о поиске решения, при котором ни одна из сторон не будет чувствовать себя внакладе, ни одна из сторон не будет чувствовать себя ни побеждённой, ни проигравшей.

Дж.Миклетвейт: Но а вы сейчас к этой сделке близко подошли? Ближе, чем в 1956 году?

В.Путин: Я не думаю, что ближе, чем в 1956 году, но, во всяком случае, мы возобновили диалог на этот счёт и договорились о том, что наши министры иностранных дел и соответствующие эксперты на уровне заместителей министров активизируют эту работу. Конечно, это всегда является и предметом обсуждения и на уровне Президента России, и Премьер-министра.

Уверен, что, когда мы будем встречаться с господином Абэ здесь, во Владивостоке, мы также будем эту тему обсуждать, но для того, чтобы её решить, она должна быть очень хорошо продумана и подготовлена, повторяю ещё раз, на принципах не нанесения ущерба, а наоборот, на принципах создания условий для развития межгосударственных связей на длительную историческую перспективу.

Дж.Миклетвейт: Действительно, мне кажется, что территория на восточном фланге Вас не так сильно волнует. Вы остров Тарабаров, например, Китаю отдали в 2004 году, а вот Калининград, например, может, тоже отдать?

В.Путин: Мы ничего не отдавали, это были территории, которые являлись спорными и в отношении которых мы вели переговоры с Китайской Народной Республикой в течение 40 лет – хочу это подчеркнуть, 40 лет, – и в конце концов нашли компромисс. Часть территории окончательно закреплена за Россией, часть территории окончательно закреплена за Китайской Народной Республикой.

Хочу подчеркнуть, что это стало возможным исключительно – это очень важно – на фоне очень высокого уровня доверия, которое сложилось к тому моменту между Россией и Китаем. И если мы добьемся такого же высокого уровня доверия с Японией, то и здесь мы можем найти какие-то компромиссы.

Но есть принципиальная разница между вопросом, связанным с японской историей, и, скажем, с нашими переговорами с Китаем. В чём она заключается? Она заключается в том, что японский вопрос возник как результат Второй мировой войны и закреплён в международных документах, связанных с результатами Второй мировой войны. А наши дискуссии с китайскими друзьями по пограничным вопросам ничего общего со Второй мировой войной и с какими-то военными конфликтами не имеют. Первое. Вернее, это уже второе.

А третье – что касается западной части. Вы сказали про Калининград.

Дж.Миклетвейт: Это шутка, конечно.

В.Путин: А я Вам скажу без всяких шуток. Если кому-то хочется начать пересматривать итоги Второй мировой войны, давайте попробуем подискутировать на эту тему. Но тогда нужно дискутировать не по Калининграду, а в целом по восточным землям Германии, по Львову, который был частью Польши, и так далее, и так далее. Там есть и Венгрия, есть и Румыния. Если кому-то хочется вскрыть этот ящик Пандоры и начать с ним работать, – пожалуйста, флаг в руки, начинайте.

Интервью международному информационному холдингу Bloomberg. Часть 2

Публикуем вторую часть интервью Владимира Путина международному информационному холдингу Bloomberg. Запись состоялась 1 сентября во Владивостоке.

Дж.Миклетвейт: А про Китай могу ещё спросить? В 2013 году Вы сказали, что хотели бы, чтобы торговый оборот с Китаем достиг 100 миллиардов долларов к 2015 году и 200 миллиардов – к 2020 году. В прошлом году товарооборот снизился где-то до 70 миллиардов долларов. Что же пошло не так? Я знаю, что есть проблемы с ценой на нефть, с курсом рубля. Думаете ли Вы, что этот целевой ориентир – 200 миллиардов долларов в 2020 году – всё ещё достижим?

В.Путин: Да, думаю, что это вполне достижимо, и Вы сами назвали причины падения уровня товарооборота. Мы на первом этапе ставили перед собой цель достичь оборота где-то в 100 миллиардов долларов, и мы почти добрались до этой цифры, потому что она была под 90 миллиардов. Так что эта цифра была почти уже достигнута. Но мы знаем причины, они действительно заключаются в падении цен на наши традиционные экспортные товары, они заключаются в курсовой разнице. И это просто объективные данные. Вы прекрасно это знаете.

Дж.Миклетвейт: Санкции как-то повлияли на это?

В.Путин: Санкции и наши отношения с Китаем друг с другом никак не связаны, потому что Китайская Народная Республика, с которой у нас сложились отношения беспрецедентно высокие и по уровню, и по качеству, мы их называем «всеобъемлющего партнёрства и стратегического качества». Санкции здесь совершенно ни при чём. В основе падения товарооборота лежат вещи объективного характера, связанные с ценами на энергоносители и с курсовой разницей. Но физические объёмы у нас не упали, они даже растут.

Что касается наших торгово-экономических отношений с Китаем, то они на сегодняшний день всё больше и больше приобретают диверсифицированный характер, чего мы постоянно добивались вместе с нашими китайскими партнёрами. Обратите внимание: кроме чисто торговли, причём

традиционными товарами (с одной стороны, скажем, энергоносители – углеводороды, нефть и теперь уже газ, нефтепродукты, с другой стороны, допустим, текстиль и обувь), мы перешли совершенно к другому уровню кооперации. Мы работаем, допустим, уже по космическим совместным программам. Сейчас мы разрабатываем, и в ближайшее время этот проект будет реализован, производство тяжёлого вертолёт, работаем над планом создания широкофюзеляжного дальнемагистрального самолёта.

Мы кооперируемся в области машиностроения, в области высокоскоростного железнодорожного сообщения, в области переработки, переработки леса и так далее, в области атомной энергетики. Мы уже построили Тяньваньскую атомную электростанцию, два блока уже работают, причём работают очень хорошо, строим ещё два блока. Так что та цель, которую мы перед собой ставили, – диверсифицировать наши отношения, – она реализуется.

Дж.Миклетвейт: Могу спросить Вас о цене на нефть, Ваша любимая тема. Два года назад Вы говорили, когда цена на нефть упала до 80 долларов, что если это произойдёт, то добыча нефти схлопнется. Цена всё ещё ниже 50 долларов, и добыча не прекратилась. Изменился ли Ваш подход к этому вопросу?

В.Путин: Если я говорил, что добыча нефти прекратится, то я ошибался. Правда, не помню, где я это сказал, видимо, сгоряча, но, по-моему, я даже такого и не говорил, но может быть, не помню этого. Я говорил о том, что при определённом уровне цены на нефть новые месторождения вряд ли будут вводиться. Собственно говоря, так и происходит. Но, может быть, даже на удивление наши нефтяники и газовики (нефтяники главным образом) продолжают инвестировать.

За последний год нефтяники проинвестировали полтора триллиона рублей, а если учитывать ещё инвестиции государства в развитие трубопроводного транспорта и в электроэнергетику, то у нас общие инвестиции в энергетику получились 3,5 триллиона рублей за прошлый год. Это очень существенно.

У нас растёт добыча нефти, производство электроэнергии. У нас немножко сократилась, по-моему, на один процент... Кстати говоря, по экспорту газа мы занимаем лидирующее место в мире – 20 процентов мирового рынка. По экспорту жидких углеводородов мы тоже заняли лидирующую позицию, заняли первое место.

У нас, несмотря на то что мы сохраняем первое место по экспорту газа, немножко сократилась внутренняя добыча, но связано это с тем, что увеличился объём гидрогенерации для электроэнергетики, и поэтому потребность в газе на тепловых электростанциях несколько упала. Это

результат реструктуризации ситуации на внутреннем энергетическом рынке. Но в целом «Газпром» в отличной форме и наращивает экспорт в страны своих традиционных партнёров.

Дж.Миклетвейт: Вы будете говорить с наследным принцем Саудовской Аравии Сальманом на «двадцатке». Будете ли Вы дальше поддерживать заморозку добычи нефти, если саудовцы захотят сделать это?

В.Путин: Господин Сальман, насколько мне известно, является заместителем наследного принца, но это уже детали. Он очень энергичный государственный деятель, у нас с ним действительно сложились очень добрые отношения. Это человек, который знает, чего он хочет, и умеет добиваться своих целей. Но в то же время я считаю его очень надёжным партнёром, с которым можно договариваться и можно быть уверенным в том, что договорённости с ним будут исполнены.

Но ведь это не мы отказались от замораживания объёмов добычи, это наши саудовские партнёры в последний момент изменили свою точку зрения и решили сделать паузу в принятии этого решения. Но хочу повторить нашу позицию, она не изменилась. Если мы с принцем Сальманом будем говорить на этот счёт, я, конечно, нашу позицию воспроизведу снова: мы считаем, что это для мировой энергетики правильное решение – первое.

Второе. Всем хорошо известно, о чём спор шёл: спор шёл о том, что если замораживать добычу, то это должны сделать все, в том числе и Иран. Но ведь мы понимаем, что Иран начинает с очень низкой позиции, связанной с известными санкциями в отношении этой страны, а было бы несправедливо оставлять его на этом санкционном уровне. Думаю, что на самом деле с точки зрения экономической целесообразности и логики было бы правильно найти какой-то компромисс, уверен, что все это понимают. Вопрос лежит не в экономической, а в политической плоскости. Мне очень хотелось бы надеяться, что все участники этого рынка, заинтересованные в сохранении стабильной и справедливой мировой цены на энергоносители, всё-таки в конце концов примут необходимое решение.

Дж.Миклетвейт: То есть Вы бы поддержали заморозку добычи нефти, позволив Ирану несколько компенсировать свои позиции?

В.Путин: Да.

Дж.Миклетвейт: Хотел бы задать вопрос о приватизации нефти. Приватизация «Башнефти», Вы отложили приватизацию? Как мы сообщали, Игорь Сечин из «Роснефти» предложил купить за 5 миллиардов долларов половину «Башнефти», но Вы всегда говорили, что не хотите, чтобы крупные

государственные компании приобретали новые приватизируемые компании. То есть Вы не разрешите этому случиться?

В.Путин: Знаете, Вы сейчас сказали о государственных компаниях. «Роснефть», строго говоря, не является государственной компанией. Давайте не будем забывать, что часть принадлежит компании ВР, кстати говоря, британской компании, Вы же – поданный Британии, правда? То есть Вы, по сути дела, в известной степени тоже являетесь....

Дж.Миклетвейт: Но, вероятно, у Вас больше контроля за «Роснефтью», чем у Терезы Мэй над ВР.

В.Путин: Да, может быть, у нас и больше контроля, но, строго говоря, это не государственная компания. Я вот о чём хотел сказать, и думаю, что это очевидный факт: 19,7 процента принадлежит иностранному инвестору. Тем не менее, имея в виду, что контрольный пакет находится у государства, наверное, это всё-таки не лучший вариант, когда одна компания, подконтрольная государству, приобретает другую, чисто государственную компанию. Это одна позиция.

А вторая заключается в том, что в конечном-то итоге для бюджета важно, кто даст больше денег при торгах, которые должны быть организованы в ходе приватизационного процесса. И в этом смысле мы не можем дискриминировать участников рынка, ни одного из них, но пока это не актуально, поскольку Правительство приняло решение приватизацию «Башнефти» отложить.

Дж.Миклетвейт: И опять-таки вопрос приватизации. Вы говорили в 2012 году, что хотите наращивать обороты приватизации, однако время было не самым лучшим. Почему не всё сработало? Почему Российскому государству необходимо, чтобы ему принадлежало 50 процентов таких компаний, может быть, нужно больше продавать?

В.Путин: Российскому государству нет необходимости держать такие крупные пакеты, и мы намерены обязательно реализовать наши планы. Вопрос не в том, что хотим мы этого или не хотим, вопрос в том, целесообразно или нет и в какой момент. В целом это целесообразно хотя бы с одной точки зрения – с точки зрения структурных изменений в самой экономике. Государства, действительно, слишком много, может быть, сегодня в экономике России, но делать это на падающем рынке даже с точки зрения фискальных интересов не всегда целесообразно. Поэтому мы подходим аккуратно, но наш тренд с точки зрения приватизационных процессов и постепенного ухода государства из определённых активов остаётся неизменным.

Кстати говоря, Вы упомянули компанию «Роснефть». Мы сейчас активно занимаемся подготовкой приватизации части пакета самой «Роснефти». Это лучшее подтверждение того, что мы своих кардинальных планов не поменяли. Или, например, одна из крупнейших российских компаний в мире по добыче алмазов. Мы приватизируем часть этого пакета.

Дж.Миклетвейт: «АЛРОСА»?

В.Путин: «АЛРОСА». Также мы действуем и по другим направлениям, поэтому мы принципиально своей позиции не меняем. Просто это не тот случай, когда мы должны, как у нас говорят, суетиться, то есть проявлять какую-то нервную реакцию: мы должны немедленно и любой ценой. Нет, любой ценой мы делать не будем. Мы будем делать с максимальным эффектом для Российского государства, российской экономики.

Дж.Миклетвейт: То есть вы планируете продать акции «Роснефти» в этом году?

В.Путин: Мы готовимся к этой сделке в этом году. Не знаю, сможет ли Правительство подготовиться, реализовать эту сделку вместе с менеджментом самой «Роснефти», найдут ли соответствующих стратегических инвесторов. Мне кажется, речь должна идти именно о таких инвесторах. Но мы готовимся и планируем сделать это именно в текущем году.

Дж.Миклетвейт: И что касается этой доли, 50 процентов... Российскому государству принадлежало менее 50 процентов в этих компаниях?

В.Путин: Мы здесь не видим ничего страшного. Вы знаете, я помню, у нас была одна из компаний, сейчас не буду называть её, но когда в неё вошли на 50 процентов иностранные акционеры, иностранные инвесторы, их взнос в федеральный бюджет и налоговые платежи увеличились в несколько раз сразу, а эффективность компании несколько не ухудшилась. Поэтому, с точки зрения интересов государства, конечных интересов государства, с точки зрения фискальных интересов мы имеем положительный опыт, скорее всего, а не отрицательный.

Дж.Миклетвейт: Ещё одно обвинение, которое часто звучит, что люди, которые поддерживаются Россией, взломали базу данных Демократической партии. Но, наверное, это совсем неправда?

В.Путин: Я об этом ничего не знаю. Вы знаете, столько много хакеров сегодня, причём они действуют настолько филигранно, настолько тонко, могут показать в нужном месте и в нужное время свой след – или даже не

свой след, а закамуфлировать свою деятельность под деятельность каких-то других хакеров из других территорий, из других стран. Это абсолютно труднопроверяемая вещь, если вообще возможно её проверить. Во всяком случае на государственном уровне мы этим точно не занимаемся.

А потом, разве это важно, кто взломал эти какие-то данные из предвыборного штаба госпожи Клинтон? Разве это важно? Важно, что является содержанием того, что было предъявлено общественности. Вокруг этого должна вестись дискуссия на самом деле. Не нужно уводить внимание общественности от сути проблемы, подменяя какими-то второстепенными вопросами, связанными с поиском того, кто это сделал.

Но хочу Вам ещё раз сказать, мне об этом точно совершенно ничего не известно и на государственном уровне Россия никогда этим не занимается. Я, честно говоря, даже не мог себе представить, если сказать Вам откровенно, что информация подобного рода может представить интерес для американской общественности, что, оказывается, предвыборный штаб одного из кандидатов, в данном случае госпожи Клинтон, работал на неё, а не равномерно на всех кандидатов Демократической партии. Да мне просто в голову не приходило, что это может быть для кого-то интересно. Поэтому даже с этой точки зрения мы никак туда официально не могли залезть. Для этого, понимаете, нужно чувствовать нерв и особенности внутривнутриполитической жизни Соединённых Штатов. Не уверен, что даже наши специалисты в МИДе чувствуют это должным образом.

Дж.Миклетвейт: Сейчас такое время, когда, надо признаться честно, Америка пытается Россию взламывать и, наоборот, Китай пытается взломать и Америку, и Россию – все друг друга взламывают, пытаются взломать.

И «двадцатка», например, попытается выработать свод правил для того, чтобы как-то упорядочить внешнюю политику. Или, может быть, нам надо признать, что это имеет место и это будет просто новая реальность?

В.Путин: Мне думается, что лучше бы «двадцатке» в это не вмешиваться, для этого есть другие площадки. «Двадцатка» всё-таки собиралась как площадка для обсуждения, прежде всего, вопросов мировой экономики. Конечно, политика влияет на экономические процессы, это очевидный факт, но если мы туда переложим какие-то склоки или даже не склоки, а вопросы очень важные, но относящиеся к чисто мировой политике, то мы перегрузим повестку дня «двадцатки» и вместо того, чтобы заниматься вопросами финансов, вопросами структурных изменений экономики, вопросами ухода от налогообложения и так далее, – вместо этого будем бесконечно спорить по проблемам Сирии или по каким-то другим мировым проблемам, их достаточно много, по ближневосточной проблеме начнём дискутировать...

Для этого лучше находить другие площадки, другие форумы, их достаточно: ООН, например; Совет Безопасности.

Интервью международному информационному холдингу Bloomberg. Часть 3

Публикуем третью часть интервью Владимира Путина международному информационному холдингу Bloomberg. Запись состоялась 1 сентября во Владивостоке.

Дж.Миклетвейт: Вы говорили о российской экономике, о ресурсах (мы об этом ещё поговорим), но пока Вы говорили, я подумал, что Вы дали детали, насколько Россия усилилась. Вы поедете на «двадцатку», Вы смотрели, как идут дела на Западе, давно за этим наблюдаете, и Вы были на саммите «двадцатки» больше, чем любой другой лидер. Вы когда-либо видели, чтобы Запад был так разделён, так недоволен собой, в таких сомнениях? Мы все помним про выход Великобритании, миграционный кризис, выборы и все остальные проблемы. Сейчас кажется ли Вам Запад разобщённым как никогда или нет? Как Вы это объясните?

В.Путин: Много проблем в мировой экономике в целом, в западной экономике тоже много проблем: старение населения, падение темпов роста производительности труда. Это очевидные вещи. Вообще, в целом демография такая очень тяжёлая.

Потом, наверное, ведь сами специалисты, а Вы как раз один из лучших специалистов в этой сфере, считают, что в политике расширения Евросоюза не были учтены некоторые элементы, связанные с готовностью тех или иных экономик к вхождению в зону евро, допустим.

Войти в единую валюту с достаточно слабыми экономическими показателями и удержать не то чтобы темпы роста, а удержать саму экономику от тяжёлых испытаний очень сложно. Мы это проходили не только в Европе, мы знаем это (сколько там – лет десять назад или больше) по Аргентине, когда они привязали национальную валюту жёстко к доллару, а потом уже не знали, что с этим делать. Так же вход в зону евро.

Дж.Миклетвейт: Как Вы думаете, евро выживет вообще, валюта евро?

В.Путин: Надеюсь, что да, потому что, во-первых, мы верим в фундаментальные основы европейской экономики. Мы видим, что западноевропейские лидеры в основном (идут споры, конечно, всё это понятно, мы это прекрасно тоже видим и наблюдаем, анализируем), но всё-таки придерживаются, я считаю (не могу сказать, правильных, неправильных, – это всегда с какой стороны посмотреть), очень прагматичных подходов к решению экономических проблем.

Они не злоупотребляют финансовыми инструментами, финансовой накачкой, а стремятся прежде всего к структурным изменениям, что, собственно говоря, не менее остро стоит и в нашей экономике, а может быть, даже более остро, имея в виду проблему, которую мы до сих пор не можем преодолеть, а именно, доминирование нефтегазового сектора в Российской Федерации и как результат – зависимость от этих нефтегазовых доходов.

Но и в Европе тоже есть это, не зависимость от нефти и газа, но структурные реформы давно назрели, и думаю, что ведущие экономики очень прагматично и грамотно подходят к решению стоящих перед европейской экономикой проблем. Поэтому мы и держим примерно 40 процентов наших золотовалютных резервов в евро.

Дж.Миклетвейт: Как Вы думаете, Европа выживет, и будет столько же членов? Из Европейского союза никто не выйдет больше после Британии?

В.Путин: Вы знаете, я не хочу отвечать на Ваш провокационный вопрос, хотя я понимаю, что он может быть интересен.

Дж.Миклетвейт: Вы много раз критиковали Европу, почему бы сейчас...

В.Путин: Да, я критиковал, но повторяю ещё раз: мы держим 40 процентов наших золотовалютных резервов в евро, и мы не заинтересованы в развале зоны евро. Хотя я не исключаю, что могут быть приняты какие-то решения, которые консолидируют группу стран, равную по развитию экономики, и тем самым, на мой взгляд, это приведёт только к укреплению евро. Но могут быть какие-то и другие промежуточные решения с целью сохранения в зоне евро имеющегося количества членов сегодня. Это не наша задача, но мы всегда очень внимательно следим и желаем успехов нашим европейским партнёрам.

То, что Вы говорили о критике, я критиковал внешнюю политику, но это совсем не значит, что мы должны со всем соглашаться. Мы действительно

многие вещи критикуем, мы считаем, что наши партнёры совершают немало ошибок (наверное, мы тоже, никто не гарантирован от ошибок), но что касается экономики, повторяю ещё раз, на мой взгляд, и Еврокомиссия, и ведущие экономики Европы действуют очень прагматично и находятся на правильном пути.

Дж.Миклетвейт: Можем к российской экономике вернуться? Может быть, начнём с обменного курса рубля? Я знаю, что Вы скажете, что это прерогатива Центрального банка и устанавливается курс рынком, но 19 июля, когда за доллар давали 62,8 рубля, Вы сказали, что рубль слишком крепок. Вы раскритиковали эту тенденцию. Сейчас 65 рублей дают. Достаточно ли он ослаб, чтобы Вы были довольны, или надо дальше?

В.Путин: Я не раскритиковал позицию Центрального банка. Я действительно всегда считал и считаю, что Центральный банк должен действовать самостоятельно. На самом деле он так и действует, можете мне поверить. Я не вмешиваюсь в решения Центрального банка и не даю директивных указаний правлению Центрального банка либо председателю Центрального банка.

Центральный банк смотрит на то, что происходит в экономике, и, разумеется, я в контакте и с членами правления, и с председателем Центрального банка, но я никогда не даю директивных указаний. Если я говорил о том, что рубль слишком окреп, то я не говорил, что позиция Центрального банка неправильная. Я говорил о том, что это накладывает дополнительную нагрузку на экспортно ориентированные отрасли экономики. А то, что это так, мы с вами хорошо понимаем, когда рубль послабее, легче продавать, здесь производить за дешёвый рубль, а продавать за дорогой доллар и получать большую выручку в долларах, а потом менять на рубли и потом получать больший доход. Поэтому это элементарные вещи.

Но если говорить о фундаментальных вещах, то вопрос регулирования курса действительно относится к функции главного регулятора, а именно, к функции Центрального банка. И здесь он должен думать, конечно, о том, как экономика, как промышленность реагируют, но он должен думать и о своих фундаментальных задачах, чтобы обеспечить стабильность курса. Главный вопрос в стабильности курса, а это так или иначе Центральному банку при всех нюансах всё-таки удаётся. И это удалось в конце концов сделать, после того как Центральный банк перешёл к плавающему курсу национальной валюты.

Центральный банк должен учитывать и другие вещи: стабильность банковской системы страны, должен смотреть на то, как увеличивается либо сокращается денежная масса в экономике, как это влияет на инфляцию. Там очень много составляющих, о которых должен подумать Центральный банк, и лучше не трогать его компетенции.

Дж.Миклетвейт: А Вы хотели бы, чтобы рубль всё-таки ещё немножко ослаб? Это помогло бы российской экономике? Вот лично Вы? Я знаю, что это не Ваша зона ответственности, но Вы прокомментировали. А сейчас Ваша позиция какая?

В.Путин: Вы знаете, моя позиция заключается в том, что курс должен соответствовать уровню развития экономики. Потому что это всегда баланс, баланс интересов, и в нём должен отражаться этот баланс. Баланс между теми, кто продаёт что-то за границу, и им выгоден слабый курс, и баланс между интересами тех, кто покупает, а им нужно, чтобы курс был повыше. Баланс между производителями внутри страны, скажем, сельхозпроизводителями, – это их интерес. А у нас так или иначе с селом связано 40 миллионов российских граждан. Это очень важная вещь! Но также нужно не забывать про интересы просто покупателей, которым нужно, чтобы цены в магазинах были чуть-чуть ниже.

Поэтому, повторяю, курс не должен ориентироваться на интересы конкретной группы либо одной-двух групп, он должен соответствовать фундаментальным интересам развития самой экономики.

Дж.Миклетвейт: Больше Вы не жалуетсяе, больше Вы не выражаете недовольства, я могу так судить?

В.Путин: Я и не выражал недовольства, и не жаловался. Я просто отмечал, что для одной из групп, а именно экспортёров, выгодней было бы иметь более слабый рубль.

Дж.Миклетвейт: Что касается резервов. Вы сказали, что было 500 миллиардов долларов, сейчас – 400. Конечно, лучше, чем в начале кризиса. Вы хотите вновь нарастить до 500 миллиардов долларов. Как Вы думаете, реалистично на такие показатели ориентироваться и когда Центробанку надо начать покупать доллары, чтобы ресурсы нарастить, и нужно ли вообще?

В.Путин: Центробанк и так постоянно покупает, покупает-продаёт – это его работа. За последние полгода, по-моему, золотовалютные резервы Центрального банка выросли на 14 процентов.

Дж.Миклетвейт: Немножко вернулись к прошлому уровню, но они так же не продолжают систематически покупать доллары, как раньше.

В.Путин: Знаете, мы знаем с Вами о необходимом уровне запасов Центрального банка, а цель нам тоже с Вами хорошо известна, но для широкой публики мы можем с Вами сказать. Цель золотовалютных резервов

Центрального банка не в том, чтобы финансировать экономику, а в том, чтобы обеспечивать внешнеторговый оборот. Для этого нужно, чтобы этот уровень был бы способен обеспечить внешнеторговый оборот для такой экономики, как Россия, как минимум на три месяца. Но у нас уровень такой, что он может обеспечить наш товарооборот, если всё прекратит работать, только за счёт золотовалютных резервов как минимум полгода, а то и больше, поэтому это более чем достаточно.

Поэтому с точки зрения обеспечения стабильности экономики и внешнеторгового оборота у нас сегодня абсолютно достаточный уровень золотовалютных резервов. А всё другое – покупка и продажа валюты – связаны с регулированием внутреннего валютного рынка. А как на это будет реагировать Центральный банк и приведёт ли это к росту ЗВР – пока трудно сказать. Давайте не будем забывать, что у нас ещё два резервных фонда Правительства: собственно Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, а это, то и другое вместе, – 100 миллиардов долларов. Дж.Миклетвейт: Вернёмся немножко назад. Цена на нефть, многие разные факторы, тем не менее ваш бюджет сейчас находится в периоде дефицита, необходимо повышать выплаты пенсионерам, в какой-то момент придётся занимать деньги. Будете ли вы обращаться на внутренний рынок либо вы будете обращаться на внешний рынок для того, чтобы заимствовать ресурсы?

В.Путин: Пока такой необходимости нет. У нас нет необходимости заимствования на внешнем рынке, хотя как такой традиционный инструмент – инструмент в мировых финансовых отношениях – мы применяем всегда и сейчас применяли, и у нас были размещения, и желающих приобрести наши финансовые инструменты достаточно, у нас просто нет такой необходимости сегодня. При наличии таких резервных фондов Правительства – в 100 миллиардов долларов – это просто для нас бессмысленно, имея в виду стоимость заимствований. Здесь всегда нужно внимательно смотреть. Кстати говоря, и заимствования тоже возможны, надо только понимать, что выгоднее на данный момент времени. Это первое.

Второе – что касается дефицита. В прошлом году дефицит федерального бюджета был 2,6 процента. Это, согласитесь, достаточно приемлемая величина. В этом году мы ожидаем, что он будет чуть побольше, где-то в районе трёх процентов, может, три с небольшим. Это тоже абсолютно приемлемая величина. Но мы идём по какому пути? По пути оптимизации бюджетных расходов. Мы в этих не простых для нас условиях, на мой взгляд, прагматично очень подходим к решению экономических, социальных вопросов, мы решаем основные задачи социального характера, выполняем обещания перед населением.

Сейчас только Правительство объявило о том, что мы проиндексировали пенсии на четыре процента, но второе полугодие не индексировали, зато в начале следующего года сделаем единовременную выплату в размере пяти тысяч рублей для каждого пенсионера, которая, в общем-то, сопоставима с компенсацией. Мы действуем очень прагматично и очень осторожно. Мы сокращаем расходы по тем позициям, которые не считаем первоочередными, и не собираемся бездумно раскидывать наши резервы и бездумно жечь их в угоду каким-то политическим амбициям. Мы будем действовать очень осторожно.

Надеюсь, что нам особенно и не потребуется, у нас не будет нужды, во всяком случае, обращаться за внешним финансированием. Ведь у нас, обратите внимание, упал [торговый баланс], но всё-таки сохраняется положительное сальдо. У нас сейчас, по-моему, за первое полугодие 45 миллиардов долларов положительное сальдо торгового баланса. Инфляция сократилась год к году в разы. В разы просто сократилась! У нас была, если год к году смотреть, где-то под 10, что ли, процентов уже, если смотреть август к августу, а сейчас – 3 с небольшим процента. Безработица сохраняется на достаточно приемлемом уровне – 5,7 процента. У нас макроэкономические показатели стабильны. И это даёт мне основания полагать, надеяться на то, что мы спокойно, уверенно будем проходить этот непростой период в нашей экономике, которая, безусловно, уже адаптировалась к современным условиям.

Дж.Миклетвейт: Итак, на предстоящей «двадцатке», вероятно, Вы в последний раз увидите Барака Обаму. Как Вы знаете, предстоят выборы в Америке – и предстоит выбрать между Дональдом Трампом и Хиллари Клинтон. С кем бы Вы скорее контактировали по ту сторону океана с точки зрения геополитической ситуации – с Дональдом Трампом или Хиллари Клинтон? Есть ли у Вас какие-то соображения на этот счёт?

В.Путин: Мне бы хотелось иметь дело с человеком, который может принимать ответственные решения и исполняет достигнутые договорённости. Фамилии совершенно не имеют значения. И конечно, нужно, чтобы этот человек пользовался доверием американского народа, тогда у него будет не просто желание, но и подкреплённая политическая воля для того, чтобы исполнять все эти договорённости.

Поэтому мы никогда не вмешивались, не вмешиваемся и не собираемся вмешиваться во внутривнутриполитические процессы, будем внимательно смотреть за тем, что происходит, и ждать результатов выборов, а потом готовы работать с любой администрацией, если она сама этого хочет.

Дж.Миклетвейт: Немножко надавлю. В 2011 году Вы обвиняли Хиллари Клинтон в том, что она пыталась подогреть протесты, которые разгорелись в России в тот момент. Дональд Трамп много говорил о Вас в 2007 году, он говорил, что «Путин прекрасно справляется»; в 2011 году он хвалил Вас; в следующем году он сказал, что Вы его новый друг, лучший друг; потом сказал, что Вы опережаете Америку, – много таких примеров. Если будет выбор между женщиной, которая, вероятно, пытается избавиться от Вас, и мужчиной, который так хорошо о Вас думает, с чрезвычайной симпатией, – Вы могли бы принять решение, потому что один из таких выборов, который Вы сделаете, будет более благоприятным.

В.Путин: Вы знаете, я уже, по сути, ответил на Ваш вопрос, а ещё раз могу его переформулировать, другими словами сказать: мы готовы работать с любым Президентом, но, конечно, – я тоже об этом сказал – настолько, насколько готова будет будущая администрация. И, если кто-то говорит, что он хочет работать с Россией, мы приветствуем это. А если кто-то, как Вы выразились (может быть, неточный перевод), хочет от нас избавиться, это совершенно другой подход. Но мы и это переживём: здесь неизвестно, кто больше потеряет при таком подходе.

Вы понимаете, в чём дело, я уже неоднократно видел, что антироссийские карты разыгрываются в ходе внутривнутриполитических кампаний в Штатах. Я считаю, что это очень недальновидный подход.

В то же время нам присылают всякие сигналы со всех сторон, что на самом деле всё хорошо. И в прежних администрациях так было в ходе предвыборных кампаний, что мы там всё восстановим потом. Но, Вы знаете, мне кажется, что это не отвечает тому уровню ответственности, которая лежит на плечах Соединённых Штатов. Мне представляется, что всё это должно быть более солидно, спокойно, более уравновешенно.

По поводу того, что нас кто-то критикует. Вы знаете, и со стороны команды господина Трампа тоже раздаются критические высказывания в наш адрес. Например, один из участников или членов его команды сказал, что якобы Россия платила семье Клинтон через какие-то фонды и что на самом деле мы руководим семьёй Клинтон. Ерунда полная. Я даже не знаю, где там Билл выступал, через какие фонды. Это просто и одной, и второй стороной используется в качестве инструмента внутривнутриполитической борьбы, что, на мой взгляд, плохо. Но, разумеется, когда кто-то говорит о том, что он хочет работать с Россией, мы это приветствуем – и вне зависимости от того, как фамилия этого человека.

Дж.Миклетвейт: По Трампу последний вопрос. Кто-то говорит, что он слишком переменчив, чтобы быть Президентом США. А Вы рады были бы,

чтобы он стал Президентом? Или всё-таки Клинтон, например, предпочтительнее?

В.Путин: Мы не можем отвечать за американский народ. Ведь при всём эпатже одного и, кстати говоря, другого кандидата (они же оба занимаются эпатжем, только каждый по-своему) они же умные люди, очень умные люди, и они понимают, на какие точки нужно немножко поднажать, чтобы их поняли, почувствовали и услышали избиратели в самих Соединённых Штатах. Трамп делает упор на традиционный республиканский электорат, на среднего человека со средним достатком, на рабочий класс, на определённую группу предпринимателей, на людей, которые придерживаются традиционных ценностей; госпожа Клинтон – на другую часть электората, тоже на неё пытается воздействовать своими способами, поэтому они друг на друга нападают и в некоторых случаях, я бы не хотел, чтобы мы брали с них пример, как они это делают. Думаю, это не самый лучший пример, который они подают. Но такова политическая культура в Соединённых Штатах, это просто нужно принять как есть. Америка – великая страна, и она заслужила того, чтобы никто не вмешивался и извне не комментировал.

Отвечая на Ваш вопрос в третий раз, могу сказать, что мы будем работать с любой администрацией, с любым Президентом, которому окажет доверие американский народ – если, конечно, он сам будет хотеть сотрудничать с Россией.

Дж.Миклетвейт: Про другую страну спрошу. Вы на «двадцатке» встретитесь с Терезой Мэй, это другой человек. Британия скоро, возможно, будет в той же ситуации, как и Россия. Она – часть Европы, но скоро она не будет частью Европейского союза, скорее всего. Вы будете с ними вести переговоры о зоне свободной торговли?

В.Путин: Чтобы закончить предыдущий вопрос. Вы всё-таки много лет в журналистике работаете, Вы очень информированный человек и понимаете все угрозы, связанные с обострением международной обстановки, правда? Особенно между крупнейшими мировыми ядерными державами. Мы же все это понимаем.

Вы меня, конечно, спрашиваете: это – интервью, которое Вы у меня берёте, а не наоборот. Но всё-таки я позволю Вас спросить: Вы хотите обострения на уровне Карибского кризиса?

Дж.Миклетвейт: Никто не хочет.

В.Путин: Конечно, нет, никто не хочет.

Дж.Миклетвейт: Именно поэтому я спросил о Трампе, потому что он более непредсказуемым кажется, чем Хиллари Клинтон.

В.Путин: И Вы наверняка бы тоже хотели, чтобы у России складывались хорошие отношения и с Великобританией, и с Соединёнными Штатами, правда? И я этого хочу. Если кто-то в Америке, в Соединённых Штатах говорит: «Я хочу наладить хорошие партнёрские отношения с Россией», – значит, мы с Вами это должны поприветствовать: и Вы, и я, такие, как я, и такие, как Вы. А что там на самом деле как будет проходить после выборов, мы пока не знаем. Именно поэтому я говорю, что мы будем работать с любым Президентом, которого назовёт в качестве такого народ Америки.

Что касается Великобритании. У нас запланирована встреча с Премьер-министром в Китае, на полях «двадцатки». Мы разговаривали по телефону. К сожалению, не самым лучшим образом складывались отношения между Россией и Великобританией в последнее время, но не по нашей вине. Не мы сворачивали отношения с Великобританией – это Великобритания решила заморозить по многим направлениям наши взаимные контакты. Если британская сторона считает, что необходимость диалога есть по некоторым направлениям, то мы готовы, мы не собираемся здесь как-то надуть губы, обижаться на кого-то. Мы очень прагматично подходим к сотрудничеству с нашими партнёрами, считаем, что это полезно было бы между двумя странами.

Вот мы говорили о нашей крупнейшей нефтяной компании «Роснефть», и уже я вначале вспомнил, что почти 20 процентов (19,7) принадлежит ВР. А это чья компания? «Бритиш петролеум», правда? Наверное, уже неплохо. Должен вам сказать, что капитализация «Бритиш петролеум» в значительной степени связана и с тем, что она владеет 19 процентами с лишним «Роснефти», которая располагает огромными запасами в России и за рубежом. Это же отражается на устойчивости компании.

Вот ВР попала в сложное положение после известных печальных событий в Мексиканском заливе. Мы всё делали для того, чтобы её поддержать. Разве Британия в этом не заинтересована? Думаю, что заинтересована – так же и по другим направлениям.

Сейчас мы отмечаем юбилей Северных конвоев, Вы знаете об этом, да? Мы реально, это не для красного словца я говорю, относимся к участникам Северных конвоев как к героям. Они и были такими на самом деле. Мы знаем, в каких условиях они воевали – в тяжелейших. Они каждый раз шли на смерть ради общей победы, и мы это помним.

Дж.Миклетвейт: Возможно, Британия сейчас, когда она выходит из Европейского союза, будет более расположена к достижению соглашения с Россией?

В.Путин: Британия выходит и вышла уже фактически из Европейского союза, но она не вышла из особых отношений с Соединёнными Штатами – и, думаю, то, что касается отношений с Россией, зависит не от её присутствия либо отсутствия в Европейском союзе, а зависит от её особых отношений со Штатами. Если она будет проводить более независимую внешнюю политику, то тогда, наверное, можно будет сделать это. А если Британия будет руководствоваться союзническими обязательствами и будет считать, что это представляет больший национальный интерес, чем сотрудничество с Россией, тогда пусть будет так.

Это же не наш выбор в конечном счёте, это выбор наших британских партнёров, выбор приоритетов. Но так или иначе, конечно, мы понимаем, что в рамках союзнических отношений и особых партнёрских отношений со Штатами Великобритания должна делать поправку в отношениях с Россией на мнение своего главного партнёра – Соединённых Штатов. Мы относимся к этим реалиям как к данности, но, повторяю, как далеко Великобритания готова будет пойти на установление сотрудничества с нами, настолько же и мы готовы будем идти. Это зависит не от нас.

Интервью международному информационному холдингу Bloomberg. Часть 4

Публикуем четвёртую часть интервью Президента международному информационному холдингу Bloomberg. Запись состоялась 1 сентября во Владивостоке.

Дж.Миклетвейт: Последний вопрос по «двадцатке» – Эрдоган. Когда недавно турецкие танки вошли на территорию Сирии, Вы не протестовали особенно. Почему? Вы считаете, что Турция сейчас перешла ближе к вашим позициям, что всё-таки в какой-то степени Президент Асад останется в будущем, или как? Вы как-то изменили своё отношение к Президенту Эрдогану? Вы

говорили, что он ударил вас в спину, когда был сбит российский бомбардировщик. Что-то изменилось в Турции, как Вам кажется, как Вы считаете?

В.Путин: Прежде всего, мы исходим из того, что Турция принесла извинения за инцидент, который произошёл, за гибель наших людей, сделала это прямо, без всяких оговорок, и мы это ценим. Президент Эрдоган пошёл на это, и мы видим явную заинтересованность Президента Турции в полноформатном восстановлении отношений с Россией. У нас много совпадающих интересов и в регионе Чёрного моря, и в глобальном плане, и в регионе Ближнего Востока.

Мы очень рассчитываем на то, что нам удастся наладить конструктивный диалог, у нас много больших проектов в сфере энергетики – тот же самый «Турецкий поток». Думаю, что мы его в конечном итоге реализуем, во всяком случае первую часть, касающуюся расширения транспортных возможностей и увеличения поставок на внутренний турецкий рынок, но с возможностью транспортировки и для европейских партнёров, – если они опять же этого захотят, если Еврокомиссия будет это поддерживать.

У нас очень большой проект по строительству атомной электростанции – по уникальным условиям. Они состоят там из нескольких элементов: мы кредитруем, владеем и эксплуатируем. Эта уникальность даёт нам основания полагать, что это реализуемый проект с учётом тех договорённостей по экономическим параметрам, в основе которых лежит стоимость киловатт-часа электроэнергии, что это будет экономически выгодный проект обеим сторонам.

Но кроме всего прочего, как я уже говорил, у нас есть взаимное стремление прийти к договорённости по проблемам региона, в том числе и по сирийской проблеме. Я как считал, так и продолжаю считать, что извне нельзя ничего решать по политическим режимам, по смене власти. Когда я слышу, что какой-то президент должен уйти, слышу не внутри страны, а со стороны, то это вызывает у меня большие вопросы. Я уверен просто, и такую уверенность мне придают события последних десяти лет, а именно попытки демократизации в Ираке, попытки демократизации в Ливии, – мы видим, к чему это там привело: по сути, к развалу государственности и к росту терроризма.

Где в Ливии Вы видите элементы демократии? Может быть, они когда-то возникнут, я очень на это рассчитываю. Или продолжающаяся гражданская война в Ираке – а что там будет вообще с Ираком в целом в будущем? Пока это всё большие вопросы.

То же самое и в Сирии. Когда мы слышим, что Асад должен уйти (почему - то со стороны кто - то так считает), то у меня большой вопрос: а к чему это приведёт? Вообще, соответствует ли это нормам международного права? Не лучше ли набраться терпения и способствовать изменению структуры самого общества – и, набравшись этого терпения и способствуя изменению структуры общества, подождать, пока произойдут естественные изменения внутри.

Да, это не произойдёт с сегодня на завтра, но, может быть, в этом и заключается политическая мудрость – в том, чтобы не суетиться, не забегать вперёд, а постепенно вести дело к структурным изменениям, в данном случае в политической системе общества.

Что касается действий Турции. Мы находимся в контакте с нашими турецкими партнёрами. Всё, что противоречит международному праву, мы считаем недопустимым. Но мы находимся в контакте и на политическом уровне, и на уровне Министерства обороны, Министерства иностранных дел. Уверен, что и на встрече с Президентом Турции господином Эрдоганом в Китае мы тоже будем об этом говорить.

Дж.Миклетвейт: По Сирии. Мы приблизились к соглашению между Россией и США по плану того, что будет с Сирией в итоге. Мне кажется, что там были переговоры, и недавно мы всё - таки небольшой шаг в этом направлении сделали, небольшой прогресс достигнут всё - таки.

В.Путин: Вы знаете, переговоры идут очень тяжело. Одна из кардинальных сложностей заключается в том, что мы настаиваем, и против этого не возражают наши американские партнёры, что так называемая здоровая часть оппозиции должна быть отделена от радикальных группировок и террористических организаций, таких как «Джабхат ан-Нусра».

А у нас складывается впечатление, что «Джабхат ан-Нусра» и иже с ней мимикрируют, другими названиями себя уже обозначают, но по сути ничего не меняется. Они начинают поглощать так называемую здоровую часть оппозиции, и в этом нет ничего хорошего. Кроме всего прочего, это уже не элемент внутренней борьбы – это пришлые боевики, получающие вооружение и амуницию из - за границы. И, по сути, наши американские партнёры с этим согласны, но они не знают, как это сделать.

Тем не менее, несмотря на все эти сложности, мы всё - таки находимся на правильном пути. Должен отметить, что госсекретарь Керри проделал, конечно, колоссальную работу. Я удивляюсь его терпению и настойчивости одновременно. Но всё - таки, на мой взгляд, мы постепенно двигаемся в правильном направлении, и не исключаю того, что в ближайшее время

можем уже о чём-то договориться и предъявить мировой общественности наши договорённости. Пока об этом рано говорить, но мне кажется, что мы действуем, как я уже сказал, двигаемся в нужном направлении.